

Янь Фуи сжимал меч обеими руками. Выражение его лица по-прежнему оставалось холодным и невозмутимым, но система понимала его слишком хорошо и видела бурлящие под спокойной ледяной коркой скрытые течения.

В полушаге от него разверзалась бездна, и он мог сорваться туда в любой момент, если силы изменят ему.

Хуже всего было то, что вмешательство Небесного Пути проникало повсюду, и система не могла дать даже самого простого обещания: «Он вернется».

Янь Фуи стоял там, вцепившись тонкими пальцами в рукоять меча так сильно, что они побелели.

— Система.

Система тут же отозвалась: [Я здесь]

— С каких пор ты рядом со мной?

[.....]

— Мой старший брат, он ведь еще сможет вернуться?

[.....]

— Система, — тихо произвел Янь Фуи, — ты здесь?

Система на мгновение замерла, а затем внезапно пришла в безумную радость и закричала во весь голос: — Я здесь, я все это время был здесь!

Длинные ресницы Янь Фуи задумчиво дрогнули.

— Тогда, — меч медленно опустился, — что мне делать?

Система была готова прослезиться от умиления: поистине, этот человек — именно тот, кого она выбрала! Как мог его ум быть настолько острым, а рассудок — настолько непоколебимым!

Янь Фуи сам догадался обо всем, и именно потому, что выход еще существовал, система не имела права говорить лишнего!

Глядя на молодого культиватора меча, который явно едва держался на ногах, но продолжал хмуриться в раздумьях, система испытывала одновременно гордость и жгучую жалость.

[Твоя первоочередная задача — залечить раны. В будущем я буду давать тебе задания, за выполнение которых ты станешь получать бонусные баллы. Накопив достаточное количество баллов, ты сможешь загадать мне одно желание]

Губы Янь Фуи слегка приоткрылись, но в конце концов он так и не спросил: Какое угодно желание?

Его сердце отчаянно колотилось: гигантская надежда выжить на краю гибели и страх хлынули одновременно, страшась того, что от одного лишнего вопроса этот самовольно возведенный сон мгновенно рассыплется.

Если действительно произойдет так...

Янь Фуи изо всех сил старался об этом не думать, но леденящий холод, пронизывавший всё его тело мгновение назад, казалось, до сих пор застрял в его крови. Ему было страшно, до ужаса страшно не сдержать обещания, данного старшему брату.

Когда-то они поклялись обойти весь Цзючжоу и девяносто тысяч раз запечатать трещину в барьере Расы демонов.

Если однажды старший брат и вправду очнется, но обнаружит, что он нарушил слово, то наверняка сильно разочаруется.

Янь Фуи вовсе не хотел разочаровывать старшего брата. Старший брат был последним человеком, который еще никогда в нем не разочаровывался.

Однако в этот самый момент боль, которую он до сих пор игнорировал, вдруг усилилась вдвое. Голос системы доносился словно издалека, и Янь Фуи попытался сосредоточиться, чтобы прислушаться, но его исчерпавшее себя духовное сознание, подобно трепещущей паутинке, раскачивалось и плыло по ветру. Он на мгновение перестал чувствовать собственное тело, а горный утес и яркая луна перед глазами исчезли, сменившись сплошной чернотой с багровыми всполохами.

Янь Фуи даже не заметил, как наконец рухнул на землю.

Он был совершенно лишен сил сопротивляться и, словно марионетка, у которой внезапно выдернули опору, ничком упал на землю. Не было даже судорог и сильной дрожи — только со всех концов израненного тела непрерывным потоком сочилась кровь.

Трудно было представить, что в теле столь слабого человека могло оставаться столько крови.

На утесе свирепствовал дикий ветер, и в густой ночной темноте рядом с потерявшим сознание Янь Фуи внезапно сгустился тусклый силуэт.

— Фуи! — в испуге крикнул тот. — Не спи!

Это был молодой человек в роскошных одеждах, с таким же красивым лицом, однако производимое им впечатление разительно отличалось от Янь Фуи.

Если чистота Янь Фуи напоминала овеянную горным ветром лунную сосну, то властность этого облаченного в парчу человека, привыкшего долгое время находиться на вершине власти, походила на ледяной меч и ветряной клинок.

Юноша не имел плотского тела, но между ним и Янь Фуи существовала тонкая связь, позволявшая с трудом улавливать состояние чужого организма.

В данный момент всякая жизненная сила в этом теле почти полностью угасла.

Мужчина в парчовых одеждах сжал зубы так крепко, что заскрежетали челюсти, а на лице проступила ярость хищника, готового разорвать жертву.

Надо же было случиться такому, чтобы именно в этот момент проклятый младший брат Янь Фуи задействовал метод Наследия, вырывающий корень духовных сил.

При таком состоянии его тела как вообще можно было это вынести!

Но как бы ни трепетали от гнева глаза мужчины, будучи всего лишь блеклым духом, он ничего не мог поделать. Было бы еще хорошо, если бы он и впрямь являлся так называемой системой, но эта штука оказалась лишь поделкой, наскоро состряпанной под запретами законов Небесного Пути, чтобы задурить голову ребенку.

Подумав об этом, мужчина вдруг замер, а затем резко повернулся к луне на краю неба, и на его лице мгновенно вспыхнула дикая радость.

На его ладони постепенно начала собираться теплая золотисто-красная пламенеющая энергия. Если бы в этот момент здесь оказался хоть один Достопочтенный, он бы наверняка остолбенел от мощи этой, казалось бы, не столь уж сильной энергии, в которой таилась созидательная сила, способная вместить в себя всю вселенную.

— Маленькая луна, на этот раз я ставлю на кон собственную шкуру, так выдай же хоть какой-нибудь страховочный минимум, слышишь?

Бормоча себе под нос, мужчина даже сплюнул тонкую струйку алой крови у уголка рта, но

совершенно не обратил на это внимания. С исполненным глубокого удовлетворения утешением он наблюдал, как сгусток огня в его ладони бесшумно вплыл в грудь Янь Фуи.

Между небом и землей царила пугающая тишина, всё под покровом ночи словно молчаливо наблюдало со стороны. Тело Янь Фуи укутало теплое золотисто-красное сияние, заставившее его выглядеть так, будто снежная вершина в лучах заката озарилась вечерней зарей.

Силуэт мужчины качнулся, став столь прозрачным, что казалось, он вот-вот растворится в бескрайней ночи.

Он небрежно стер пальцем кровь с губ, опустился на одно колено и протянул руку к лицу потерявшего сознание молодого культиватора меча.

Поначалу его движение было полным нежности и тоски, но вдруг он разъярился. Если бы у него не отсутствовало физическое тело, он непременно ущипнул бы за щеку этого тощего парня, заставив завопить от боли за неумение о себе заботиться.

— Разве можно быть таким глупцом, как ты умудрился позволить загнать себя до подобного состояния?

— Эх, да и винить-то тебя нельзя, во всем виноват этот проклятый Небесный Путь — капиталист хренов.

— Повесить роли злодеев сразу из трех сюжетов на одного человека, ладно-ладно, все вокруг главные герои и любимчики небес, и только наша красавица — ишак из производственной бригады, да?

Он замолчал лишь спустя долгое время. Даже ночной ветер на утесе стих, а лунный свет рассыпался по земле водной рябью.

Душа Ли Фуюя долго-долго всматривалась в Янь Фуи сквозь этот лунный свет. Наконец, не выдержав, он коснулся двумя пальцами собственных губ, а затем с чрезвычайно осторожным выражением лица прикоснулся кончиком пальца к приоткрытым бледным губам юноши.

Он тут же отдернул палец и, охваченный сродни дрожи трепетом, прижал руку к бешено колотящемуся сердцу.

Эх ты...

\*

Янь Фуи открыл глаза.

Перед ним царил полумрак, но его пальцы ощущали грубую хлопчатобумажную ткань, а сквозь полог пробивалось мягкое тепло дневного света. Вокруг было сумрачно и уютно, а в ноздрях стоял чистый запах мыльного дерева.

Янь Фуи на мгновение замер, прежде чем осознал: каждая косточка в его теле словно рассыпалась на части.

Правда, боль казалась приглушенной — за столько лет он перенес слишком много травм и по собственному опыту мог с уверенностью судить, что при нынешнем состоянии организма ощущения должны быть куда острее.

Даже леденящая ци, непрерывно таившаяся у него в груди, казалось, исчезла.

Это позабытое чувство легкости подарило Янь Фуи иллюзию: молодой культиватор меча рефлексивно перевернулся, напрягая все мышцы, намереваясь принять оборонительную стойку.

Раздался глухой стук.

Система беззастенчиво рассмеялась, злорадно глядя на то, как Янь Фуи, не сумев даже удержать собственный вес на руках, рухнул обратно на постель.

[Чтобы сохранить твою драгоценную жизнь, пришлось израсходовать все накопленные за прошлое время баллы, да плюс еще блокировка боли... Неужели кто-то всерьез думал, что еще способен сражаться триста раундов подряд?]

Янь Фуи с холодным и суровым лицом поджал губы, храня молчание. Кончики его ушей покраснели, а лицо вновь побелело.

[Считай, что тебе повезло] — проворчала система. — [В той дикой глуши кто-то жил, и те два охотника, поднявшиеся в горы, оказались такими добряками]

Оказывается, его спасли простые смертные.

Прошлой ночью всё было как в тумане, и Янь Фуи понятия не имел, в каких именно горах он оказался в состоянии помрачения рассудка. Система, судя по диалекту крестьян, предположила, что они двигались примерно в сторону Центральных равнин.

В теле не осталось ни капли духовной энергии — но не той привычной усталости после долгого применения сил. Для культиватора, чья практика текла так же естественно, как дыхание, даже только что очнувшись, Янь Фуи ясно чувствовал: его тело полностью изменилось.

Он больше не ощущал разлитую повсюду в воздухе духовную энергию, не чувствовал силу, вплавленную в кости и кровь, и даже не чувствовал свой меч, связанный с душой.

Пожалуй, даже полное разрушение меридианов выглядело бы точно так же.

Только вот он никак не ожидал, что его живучесть окажется настолько великой, что после столь насильственного и вероломного похищения Наследия ему все же удастся выжить.

Видя, что Янь Фуи слишком долго хранит молчание, голос зазвучал с прежней осторожностью:

— О чем думаешь?

Янь Фуи чуть заметно покачал головой.

Ни о чем.

В Беседке зеленых лотосов на главном пике Куньлуня он уже надумался обо всем сполна.

Сначала он думал о том, какие именно коварные замыслы вынашивает Сяо Фэн, шаг за шагом претворяя их в жизнь.

Потом думал о том, осталось ли в сердце Тин Шуана хоть крошечное местечко для такого старшего брата, как он.

В конце концов он думал о том, что сколько бы ни было неоплатных долгов перед старшим братом Фуюем, пришла пора окончательно свести счета — и с Куньлунем, и с главой секты, и с Ли Цинхэ.

А затем все переплетения его мыслей, словно скопившийся за долгие годы лед, растворились в языках пламени, превратившись в невидимый водяной пар, который без следа рассеялся в ночном ветре высокогорного утеса.

Теперь Янь Фуи не хотел думать ни о чем.

Темнота перед его глазами постепенно наполнялась теплыми красками: в туманных, далеких воспоминаниях всплыла полузабытая долина, чередование зим и лет, сбор осеннего урожая, крошечный меч, вложенный матерью в его ладонь, и старший брат, жуящий травинку и лежащий среди золотого поля пшеницы.

Янь Фуи лежал, воображая, будто сохраняет полное спокойствие, но система отчетливо видела, как привычно ясные и острые глаза наполнились влагой. Хотя Янь Фуи не хмурился и не

издавал ни звука, уголки его глаз в тишине воздуха постепенно краснели, капли воды блестели в глазницах, пока наконец не переполнили их, сорвавшись вниз частой дрожащей чередой.

Ли Фуюй молчал.

Скромная и ветхая хижина горцев выглядела простой и старой. Полуденный свет пробивался сквозь серые оконные переплеты, превращаясь в мягкую вуаль глубокого желтого оттенка, которая ложилась на стол и стулья из старого дерева, а сквозь истончившуюся от частых стирок занавеску падала на неподвижно лежащего юношу.

<http://bllate.org/book/27537/3348021>